

Библиотека
журналиста

Возвращенная публицистика

Книга 1
(1900—1917)

МОСКВА
«ВЫСШАЯ ШКОЛА»
1991

Два Копии

М 2010-811/2

тели»: *указанный мною вопрос есть центральный пункт всех наших организационных споров. Как только он получит надлежащее разрешение, все остальные спорные пункты уладятся почти сами собой.* Ведь ЦК потому и не желает кооптировать в свою среду товарищей из «меньшинства», что он опасается их противодействия нынешним его чудовищным и «смеха достойным» претензиям. Он превосходно знает, что «меньшинство» затем и хотело бы ввести в его среду своих представителей, чтобы попытаться остановить и образумить его, пока еще не поздно. Поэтому-то он и апеллирует против «меньшинства» к тому самому «Monsieur le Plebiscite», к которому так любил обращаться когда-то один не весьма хорошо кончивший император!

Плеханов Г. В. Соч. М., 1926. Т. 13. С. 81—93.

В ЗАЩИТУ «ПОДПОЛЬЯ»

Революционное подполье всегда было ненавистно реакционному надполью. Это вполне понятно. Ненавидя революционное подполье, реакционеры из надполья повиновались инстинкту самосохранения. Люди более или менее либерального образа мыслей некогда имели обыкновение любезно улыбаться при встречах с героями подполья; однако искренней любви они никогда к ним не питали. Скорее наоборот: они всегда недолюбливали их, испытывая по отношению к ним то чувство, которое Базаров в «Отцах и детях» Тургенева внушал дядюшке Кирсанову. Когда *борьба поколений* («отцов и детей») сменилась у нас более или менее ясно выраженной и более или менее сознательной *борьбой классов*, либеральные Кирсановы довольно быстро повернулись спиной к революционерам Базаровым и перестали скрывать свою нелюбовь к «подпольным» нравам этих последних. К ним тотчас же присоединились в этом случае всевозможные полусоциалисты, дорожащие легальностью больше всего на свете. В этом тоже нет ничего удивительного. Ни либеральные Кирсановы, ни полусоциалисты органически неспособны проникнуться тем революционным настроением, которое необходимо для того, чтобы пойти в подполье и вынести свойственные ему иногда поистине ужасные условия жизни и деятельности. Революционное настроение всегда казалось и кажется им признаком

политической неразвитости. Дипломатические переговоры с каким-нибудь Треповым¹ или обмен «парламентских» тостов с каким-нибудь д'Эстурнель-де-Констаном всегда представлялись и представляются им несравненно более надежным залогом торжества политической свободы, нежели «подпольная» деятельность революционеров. Но вот что странно: в последнее время у нас начинают глумиться над «подпольем» даже те, которые сами принадлежат или, по крайней мере, еще недавно принадлежали к числу его граждан. Один из органов «безаглавных» политиков заметил однажды, что у нас существует теперь «подпольное» издание, поставившее себе целью доказать, что не нужно никакого «подполья». Больше того: та мысль, что даже революционеры могут и должны смеяться над революционным «подпольем», начинает приобретать у нас прочность предрассудка. Выражаясь так, я хочу сказать, что мысль эта распространяет теперь свое влияние даже на таких людей, которые усвоили ее, по видимому, без всякой критики и никогда не задумывались над ее огромным отрицательным значением. Приведу маленький, но, по-моему, весьма характерный пример.

Несколько времени тому назад я получил «альманах», озаглавленный «Бывшие люди». Он составлен с несомненным знанием внутренних отношений нашего «подпольного» мира. Альманах осмеивает все идейные оттенки, все фракции и полужракции нашей партии. И не только нашей. От него достается также социалистам-революционерам. И в этом нет ровно ничего дурного. Плохо рекомендуют себя те, которые не любят смеха. Недавно Фейербах говорил, что смехом человек отличается от животного. Эразм Роттердамский, Вольтер и наши «свистуны» 60-х годов оказали своим смехом незабвенные услуги делу прогресса. И все-таки надо помнить, что смех смеху рознь. Вольтер, защищавший веротерпимость, едко смеялся над поповским фанатизмом; но ему в голову не приходило смеяться над веротерпимостью. А если бы он прибавил насмешки над нею к своим насмешкам над диким поповским фанатизмом, он превратился бы из прогрессивного деятеля в простого зубоскала. То же, конечно, и с нашими «свистунами». Герцен очень ошибся, вообразив, будто они склонны насмеяться надо всем на свете. На самом деле они насмеялись только над тем, что отжило свой век и загораживало дорогу про-

грессивным стремлениям времени. Человек, способный насмехаться над всем, лишен всякого положительного содержания и потому сам заслуживает злой насмешки. Достоин уважения только тот смех, который служит человеку оружием в борьбе за дорогие для него убеждения.

Дорожат ли какими-нибудь убеждениями издатели альманаха «Бывшие люди»? Мне это не известно, так как я лишен удовольствия знать этих издателей. Но мне очень жаль, что они имеют весьма ошибочный взгляд на революционное подполье. У них напечатана «Колыбельная песнь», автор которой, убаюкивая «подрастающего пролетарца», говорит, что этот последний с возрастом скоро сам поймет подпольный мир. А мир этот характеризуется в песне, например, таким образом:

Как обставишь от Урала
Съездовский мандат —
На тебя все генералы
Взоры обратят.
Твердокамен, как овечка,
И крепонек лбом,
К редакционному местечку
Доползешь ужом.

и т. д.

Стихи, как видите, из рук вон плохие. Усечение вроде «редакционного» свидетельствует о том, что автор песни очень слаб в версификации, а неуклюжий эпитет «твердокамен» в применении к овечке показывает, что слабый версификатор не весьма силен и по части логики: с каких же это пор овечки стали «твердокаменны»? Но дело не в том, что стихи эти из рук вон плохи, а в том, что эти плохие стихи заключают в себе до последней степени искаженное изображение «подпольного мира». Что в этом мире есть экземпляры, «доползающие ужом» к редакционным местечкам, это, к сожалению, неоспоримая истина. Справедливо и то, что там встречаются персонажи, о которых с полным правом можно сказать, что они крепоньки лбом. Но где же не встречаются такие персонажи? Ведь и в греческой армии, осаждавшей Трою, вместе с божественным Ахиллом и «великим Патроклом» участвовал также и «презрительный Терсит». Весь вопрос в том, только ли Терситы встречаются в революционном «подполье»? И они ли характеризуют собою «подпольный» мир?

К тому же надо иметь в виду еще и вот что. Если человек старается «проползти ужом», скажем, к местечку частного пристава, то он, очевидно, руководствуется инс-

тинктом хищничества. А если он «проползает» к месту редактора «подпольного» издания, то инстинкт хищничества в нем, очевидно, очень слаб: на этом местечке не разживешься. Чем же руководствуется человек, который, допустим, в самом деле «проползет ужом» к такому местечку? Ясно, что преимущественно тщеславием. Тщеславие — нечего и говорить, — огромный недостаток. Но чем же тщеславится в данном случае такой человек? Тем, что он занимает видное место в деле служения революционной идее. Выходит, что и Терситы бывают очень разные: *надпольные* — стремятся к наживе; *подпольные* — тщеславятся пользой, приносимой ими великому движению. Терсит, да не тот, — как бывает Федот, да не тот. Маркс, воевавший когда-то с недостатками деятелей германского революционного мира, справедливо замечает, однако, что мир этот все-таки стоит несравненно выше так называемого общества. Об этом забывают у нас многие из тех, которые любят называть себя марксистами.

В одной из своих басен Крылов очень резко отзывается о критике, «который лишь имеет дар одно худое видеть». Я невольно вспомнил об этой критике, прочитав «Колыбельную песнь». Автор ее как будто и не подозревает того, что наше революционное «подполье» имеет чрезвычайно светлые стороны.

Наша мачеха-история издавна загоняет в «подполье» огромное большинство тех благородных людей, которые не желают, по энергичному выражению Рылеева, «позорить гражданина сан». И именно потому, что она загоняет в него огромное большинство таких людей, оно издавна играет чрезвычайно благотворную роль в истории умственного развития России. А в последнюю четверть века его благотворное влияние очень явственно сказалось также и в нашей практической жизни.

Возьмем хотя бы эпоху 60-х годов. В революционном «подполье» и тогда встречались, разумеется, весьма некрасивые представители человеческой породы: где есть люди, там дело никогда не обходится и без человеческих слабостей. Но в революционное «подполье» спускался по временам М. И. Михайлов², из революционного «подполья» раздавался могучий звук герценовского «Колокола». Кто не вспомнит об этом, говоря о революционном «подполье» 60-х годов, того по всей справедливости нужно будет признать критиком, имеющим «дар одно худое видеть».

Но «подпольной» печати 60-х годов все-таки свойственна та особенность, что она, говоря вообще, еще не определила левого крыла легальной печати и даже отчасти отставала от него. При всем уважении к огромному таланту и блестящей публицистической деятельности издателя «Колокола», нельзя не признать, что Чернышевский и Добролюбов ушли дальше его в своем *легальном* «Современнике». В 70-х годах дело приобретает другой оборот: нелегальная печать опережает легальную. Если вы хотите убедиться в этом, то сравните легальное народничество того времени с нелегальным: вы без труда увидите, насколько первое уступало второму в смелости, последовательности и ясности мысли. Когда критика жизни свела к нулю наше нелегальное народничество, тогда наши легальные народники стали путаться в самых жалких и плоских противоречиях, а некоторые из них, — например, уже покойный теперь, хотя все еще, слава богу, здравствующий г. В. В., — сделались настоящими, правда непоследовательными, реакционерами. Это также должен помнить всякий критик, не желающий уподобиться крыловскому.

А 80-е и 90-е годы? В первой половине 80-х годов только что появившиеся тогда русские социал-демократы ведут с народолюбцами жаркий спор по вопросу о том, может или не может Россия миновать капитализм. Спор этот ведется в «подпольной» печати. В легальную печать он проникает лишь 10 лет спустя. Это означает, что легальная печать отстала тогда от нелегальной на целое десятилетие. Другими словами, это показывает, что «подпольный мир» пролагал тогда дорогу русской общественно-политической мысли. Тому, кто претендует на знание этого мира, непременно должно быть известно это обстоятельство.

Вспомните, наконец, о десятилетии, непосредственно предшествовавшем взрыву 1905—1906 годов. В идейном отношении десятилетие это можно назвать эпохой все более и более сильного расслоения марксизма, окончательно восторжествовавшего тогда над народничеством. В марксизме появляются два течения: одно «критикует» Маркса; другое отстаивает «ортодоксию». Первое склоняется к легализму, хотя и не имеет возможности вполне избежать «нелегальщины» (газета П. Струве «Освобождение» и союз «Освобождение»³); второе скоро оказывается вынужденным почти всецело уйти в «подполье». Ка-

кое же из этих двух направлений выражало более передовые общественные стремления? Ответить нетрудно. Достаточно сказать, что склонные к легализму «критики» Маркса не замедлили превратиться в идеологов более или менее, — *и скорее менее, чем более*, — передовой буржуазии, между тем как нелегальные «ортодоксы» явились идеологами революционного пролетариата.

Во всей Европе нет, кроме Польши, другой страны, в которой революционное «подполье» сыграло бы такую же важную *идейную* роль, какая выпала ему на долю в России. И мы позабудем об этом, мы станем изображать подполье чем-то вроде новой разновидности темного царства, средой ограниченности и карьеризма, не способной привлечь к себе никого, кроме «крепоньких лбом» овечек и «ужей», ползущих к «редакционным» местам? Нет, это не достойно революционеров! Пусть поступают так критики, имеющие «дар лишь одно худое видеть».

Белинский спрашивал когда-то, обращаясь к неразумным хулителям философии: «Почтеннейшие, за что такая ненависть к философии? Или хорош виноград, да зелен — набьешь оскомину? Перестаньте подрывать у дуба корни, поднимите ваши глазки вверх, если только вы можете поднимать их вверх, и узнайте, что на этом-то дубе растут ваши желуди...»

Подобно этому можно спросить теперь: «За что такая ненависть к революционному «подполью»? Или хорош виноград, да зелен — набьешь оскомину?» И это в самом деле так. На революционное «подполье» очень нередко нападают теперь именно те, которые просто-напросто не способны к революционной деятельности: они устали, им хочется отдохнуть, им уже не по силам тяжелое и бесперывное подвижничество самоотверженных деятелей «подполья», они спешат превратиться в мирных обывателей, и вот они подрывают корни того дуба, желудями которого они сами некогда питались; и вот они бегут из «подполья», стараясь уверить себя и других, что их бегство из него есть не измена делу, а лишь постановка его на более широкую основу. Но, смеясь над революционным «подпольем», эти несчастные на самом деле смеются лишь над самими собой.

Прошу заметить, что я отнюдь не причисляю к этим несчастным автора вышеназванной «Колыбельной песни». Кажется, он виноват только тем, что без собственного ведома поддался очень распространенному теперь на-

строению. Притом же его «Колыбельная песнь» до такой степени слаба, что о ней решительно не стоило бы говорить, если бы характерное для нее отношение к подполью не было печальным знамением «текущего момента». В некоторых кругах нападки на «подполье» считаются теперь признаком хорошего политического тона. Вот почему пора восстать против этого настроения, пора показать, что в этом тоне нет ровно ничего хорошего, пора крикнуть господам, осмеивающим нынешние попытки революционеров воскресить «подпольные» организации:

Над чем смеяться вздумали, глупцы!
Опошлить чувство вздумали какое!

В только что полученном мною № 53 «Речи» я прочел заметку «Сенат о народно-социалистической партии», показывающую, что — как этого и следовало, впрочем, ожидать, — даже эта кроткая из кротких партии не может добиться своей легализации при нынешнем режиме. Тем менее шансов на это у социал-демократии, т. е. у партии революционного пролетариата. Чхеидзе прекрасно сказал в Государственной Думе (заседание 20 февраля), что мы переживаем время, когда сильнее, чем когда бы то ни было, организуются и мобилизуются темные силы реакции. Эти темные силы лишают пролетариат огня и воды, и если сознательные элементы нашего рабочего класса хотят дать им хоть некоторый отпор, они должны *идти* в «подполье».

Говорят, что область подпольной деятельности до последней степени узка, что в ней негде развернуться, нельзя найти простор для большого политического таланта. И я, разумеется, прекрасно понимаю, что удобнее заниматься социал-демократической агитацией во Франции, Англии, Бельгии и даже Германии и Австрии, нежели в России. Но и тут точно так же, как в вопросе об историческом развитии нашей *общественной мысли*, необходимо помнить, что те же политические условия, которые до крайности стеснили *практическую деятельность* российского социал-демократа, придали ей огромное значение, чрезвычайно увеличив ее удельный вес. И тут никогда не следует забывать, что ни в одной стране цивилизованного мира революционное «подполье» не играло такой колоссальной практической роли (даже в чисто культурной области), какую оно сыграло в России. Опираясь на теорию научного социализма, наше социал-де-

мократическое «подполье» сумело произнести «магические слова, открывшие перед ним образ будущего»; оно вывело трудящуюся массу из ее вековой спячки; оно разбудило классовое сознание пролетариата, и если — чтобы употребить здесь пророческое выражение Петра Алексеева⁴, — мускулистая рука рабочего нанесла уже не один страшный удар существующему у нас порядку вещей, то и это нужно в значительной степени записать в актив того же «подполья». Ведь недаром же рабочие чуть не при каждом своем столкновении с предпринимателями старались войти в сношения с «подпольными» деятелями. И недаром даже крестьяне, собираясь воевать с помещиками, разыскивали революционных «орателей» (т. е. ораторов).

Гегель говорит на своем языке идеалиста, что всемирный дух в своем историческом движении часто опускается под землю (вот оно историческое «подполье» всемирного духа!), где совершает мелкую и незаметную работу, результаты которой бывают, однако, колоссальные. И при виде этих результатов можно крикнуть всемирному духу, как крикнул Гамлет тени своего отца: «Крот! ты хорошо роешь!» Поймите же вы, наконец, господа хорошие, что наш подпольный человек тоже заслуживает, чтобы мы ему громко крикнули: «Крот! ты хорошо роешь!»

По русской пословице, суженого конем не объедешь. При современных условиях нашей практической деятельности «подполья» конем не объедет ни один социал-демократ, не желающий увязнуть в трясине самого гнилого оппортунизма.

Да здравствует наш «подпольный крот»! Да растут и крепнут наши «подпольные» организации! Докажем, что ошибаются господа Гучковы⁵, злорадно возвещающие в Государственной Думе «о том внутреннем разложении, которое охватило наши революционные партии»!

Плеханов Г. В. Соч. М., 1927. Т. 19. С. 129—136.

НАШЕ ПОЛОЖЕНИЕ

I

Говоря: «наше положение», я хочу сказать: «положение Российской Социал-Демократической Партии». По-

Карл Маркс. Впервые опубликована в «Искре» (1903. № 35).

¹ *Лопатин Герман Александрович* (1845—1918), революционный народник, друг К. Маркса, первый переводчик «Капитала» на русский язык.

² *Гартман Лев Николаевич* (1850—1908), революционный народник. В 1880—1881 гг. представитель «Народной воли» за границей. Был близко знаком с К. Марксом и Ф. Энгельсом.

³ *Бакунин Михаил Александрович* (1814—1876), один из идеологов революционного народничества, теоретик анархизма.

⁴ «*Освобождение*» — двухнедельный журнал. Выходил с июля 1902 по 18 (31) октября 1905 г. в Штутгарте и Париже. Издавался группой буржуазных либералов во главе со Струве.

⁵ *Струве Петр Бернгардович* (1870—1944), русский экономист, философ, историк, публицист. Теоретик «легального марксизма», один из лидеров кадетов. После разгрома Врангеля — белоэмигрант.

⁶ *Бастиа Фредерик* (1801—1850), французский экономист. Один из авторов теории гармонии труда и капитала, отрицающей эксплуатацию рабочих буржуазией.

Централизм или бонапартизм? Впервые опубликована в «Искре» (1904. № 65).

¹ *Погодин Михаил Петрович* (1800—1875), русский историк, писатель. Издавал журналы «Московский вестник», «Москвитянин». Апологет «официальной народности».

² В статье «Замечания к письму уфимцев и уральцев. — От редакции «Искры». (Искра, 1904. 1 апреля, № 63.)

³ *Бернштейн Эдуард* (1850—1932), один из лидеров II Интернационала, идеолог ревизионизма. Отрицал марксистское учение о неизбежности краха капитализма и утверждения социализма.

⁴ *Герге Пауль* (1864—1928), германский социал-демократ. Попытался организовать в Германии евангелическое рабочее движение, но, потерпев неудачу, перешел к социал-демократам.

⁵ *Старовер* — А. Н. Потресов.

⁶ «*Заря*» — марксистский научно-политический журнал, издававшийся в 1901—1902 гг. в Штутгарте редакцией «Искры». Всего вышло 4 номера в трех книжках.

⁷ *Акимов* (партийный и литературный псевдоним Махновца Владимира Петровича, 1872—1921), один из наиболее последовательных представителей экономизма в российской социал-демократии.

⁸ Никакой политики, все время ура, а потом... (пер. с франц. сост.).

⁹ *Нечаев Сергей Геннадиевич* (1847—1882), участник русского революционного движения. Организатор тайного общества «Народная расправа», автор «Катехизиса революционера». Применял методы мистификации и провокаций. В 1869 г. в Москве убил по подозрению в предательстве студента И. И. Иванова и скрылся за границу. В 1872 г. выдан швейцарскими властями и в 1873 г. приговорен к 20 годам каторги. Умер в Алексеевском равелине Петропавловской крепости.

В защиту подполья. Впервые опубликована в газете «Социал-демократ» (1910. № 12).

«*Социал-демократ*» — нелегальная газета, центральный орган

РСДРП. Издавалась по постановлению V (Лондонского) съезда РСДРП с февраля 1908 по январь 1917 г. Всего вышло 58 номеров. В разное время в газете участвовали Ленин, Плеханов, Каменев, Зиновьев, Мартов, Дан, Троцкий, Мархлевский, Благоев. В 1910—1911 гг. в качестве приложения к газете в Париже выходил «Дискуссионный листок».

¹ *Треповы* — русские государственные деятели: *Александр Федорович* (1862—1928), председатель Совета Министров России в 1916 г.; *Дмитрий Федорович* (1855—1906), московский обер-полицейстер, организатор вооруженного подавления революции 1905—1907 гг.; *Федор Федорович* (1812—1889), петербургский градоначальник. За жестокое обращение с политзаключенными В. И. Засулич совершила на него покушение и ранила.

² *Михайлов Михаил Ларионович* (1829—1865), поэт-переводчик. В 1861 г. за составление вместе с Н. В. Шелгуновым и распространение напечатанной за границей прокламации «К молодому поколению» был отправлен на каторгу, где и умер.

³ *Союз «Освобождение»* — нелегальное политическое объединение буржуазно-либеральной интеллигенции в России в 1904—1905 гг., группировавшееся вокруг журнала «Освобождение». В октябре 1905 г. члены Союза и земцы-конституционалисты образовали партию кадетов.

⁴ *Алексеев Петр Алексеевич* (1849—1891), один из первых русских рабочих-революционеров, ткач. В 1873 г. сблизился с народниками. На «процессе 50-ти» (1877) произнес яркую обвинительную речь. Приговорен к 10 годам каторги. Убит грабителями в Якутии, где он был ссыльнопоселенцем.

⁵ *Гучков Александр Иванович* (1862—1936), русский капиталист, лидер октябристов, один из организаторов корниловщины. Белоэмигрант.

Наше положение. Впервые опубликована в «Рабочей газете» (1910. № 1).

«Рабочая газета» — популярный орган большевиков. Издавалась в Париже с 30 октября 1910 г. по 30 июля 1912 г. Вышло 9 номеров. Пражской конференцией (январь 1912 г.) объявлена официальным органом РСДРП большевиков.

¹ *Плева Вячеслав Константинович* (1846—1904), министр внутренних дел. Убит эсером Е. С. Сазоновым.

² *Изгоев А.* — один из авторов «Вех».

³ *Столыпин Петр Аркадьевич* (1862—1911), русский государственный деятель, министр внутренних дел и председатель Совета Министров с 1906 г. Убит эсером Д. Г. Богровым.

⁴ *Хемницер Иван Иванович* (1745—1784), русский поэт-баснописец.

⁵ *Соломон*, царь Израильско-Иудейского царства в 965—928 гг. до н. э. Славился необычайной мудростью.

⁶ *Биссолати Леонида* (1857—1920), один из лидеров реформистского крыла итальянской социалистической партии. Первый редактор центрального органа партии газеты «Аванти!» («Вперед»).

К вопросу о расколе в социал-демократической фракции 4-й Государственной думы. Впервые опубликована в «Правде» (1913. 8 марта).

СОДЕРЖАНИЕ

Публицистика на перекрестках политической мысли	3
Г. В. Плеханов	19
На пороге двадцатого века	20
Карл Маркс	25
Централизм или бонапартизм?	33
В защиту «подполья»	46
Наше положение	54
К вопросу о расколе в социал-демократической фракции 4-й Государственной Думы	64
Под градом пуль. Заметка № 1	65
Заметка № 5. В. И. Засулич, ликвидаторы и раскольни- чий фанатизм	71
П. Б. Аксельрод	78
Вильгельм Либкнехт	79
Д. Н. Благоев	87
Социализм на Балканах	88
Н. И. Бухарин	96
Российская революция и ее судьбы	97
Клеветники	106
Парижская Коммуна и революционная Россия	108
Еще раз о тов. Ленине	110
К социализму	111
К. С. Еремеев	114
Строгий ошейник	115
В. И. Засулич	117
Н. А. Добролюбов	118
Г. Е. Зиновьев	127
Против течения	128
Важный документ	129
Не-герои	132
Еще о повороте Мартова	134
Война и судьбы нашего освобождения	135
Л. Б. Каменев	144
Лондонский съезд Российской с.-д. рабочей партии 1907 г.	145
Не по дороге	169
Против течения	175
Пять лет	179
На пороге революции	188
В. А. Карпинский	195
Неравенство перед смертью	196
К. Каутский	197
Славяне и революция	198
Л. Мартов	204
Новые друзья русского пролетариата	205

	Рабочий класс и «Русское Знамя»	214
	Бурный месяц	220
	Программа русских либералов	224
	За что бороться	232
А.	Н. Потресов	237
	Посвящается читателю-другу	238
К.	Н. Самойлова	241
	35 тысяч курьеров	242
И.	И. Скворцов-Степанов	243
	Первые заседания Государственной Думы	245
	К юзовской катастрофе	249
	Капитал и газеты	256
Л.	Д. Троцкий	261
	Зубатовцы в подпольной печати	262
	Мораль Лондонского съезда	265
	Таракан во шах	286
А.	И. Ульянова-Елизарова	293
	Искорки	294
С.	Г. Шаумян	300
	Русская революция и Закавказская власть	301
	Национализм на Кавказе и оголение фронта	304
	День рабочей печати	307
	Эволюционизм и революционизм в общественной науке	309
	Комментарии	316